

Цветаева
Марина

21/5-91.

Независимая газета - 1991. 21 мая (№59). с. 7.

О КНИГЕ ВИКТОРИИ ШВЕЙЦЕР

ПЕРВЫЕ книги Анастасии Ивановны Цветаевой — «Королевские размышления» и «Дым, дым и дым» вышли в невообразимо далеких 1915 и 1916 годах. И сегодня, в 97 лет, она продолжает писать!

Издательство «Стиль» готовит сборник «Непостижимые» — рассказы о животных. Издательство «Современник» планирует выпустить книгу «Минувшее». Журнал «Радуга» начал публикацию большого нового повествования «Моя Эстония». В «Моей Эстонии» итоги — за многие годы — поездок в Кязму, местечко под Таллинном, откуда Анастасия Ивановна ежегодно отправляется в женский монастырь в Похтице окунуться в холодный святой источник.

Цветаевское волевое начало!.. Воля к творчеству, воля к жизни. Воля к возвышению и одолению. Волевым импульсом взволнованной помощи человеку проникнут роман А. И. Цветаевой «Апог». Роман этот, как и все, что пишет Анастасия Ивановна, автобиографический.

«Апог» — книга одолений, книга о том, как побороть себя. Если в духовной борьбе одолев человек собственное несовершенство, тогда несовершенство внешнее теряет над ним власть, ибо в человеке внутренняя высота позволяет видеть все происходящее в иных масштабах, а что такое наш день и час в сравнении с Вечностью...

К вечным истинам поднимались сестры по ступеням любви — любви земной и небесной. Тот, кто знает любовь (Апог) в духовном смысле, тот, конечно, не может быть равнодушен к людям. Анастасия Ивановна молится неустанно за многих, верит она в силу молитвы, спасавшей ее в самые тяжкие годы — в заключении, в лагерях, в ссылке.

Но в чем Анастасия Ивановна «пристрастна», так это в оценке книг, посвященных ее сестре. К литературе, написанной о М. Цветаевой, она углубленно-внимательна.

И теперь — новая, несколько неожиданная рецензия на книгу В. Швейцер «Быт и

бытие Марины Цветаевой», издательство «Синтаксис», Париж, 1988. Еще до написания книги автор ее, Виктория Швейцер, жила в России, потом уехала в США и, уехав, опубликовала на Западе «Открытое письмо» к Анастасии Цветаевой. Письмо было «инвективной», обвинением в том, что А. Цветаева чуть ли не агент советской власти, который намеренно вводит читателей в заблуждение относительно скорбного и загадочного конца жизни М. Цветаевой.

В. Швейцер, видимо, не поняла, что не сваливать вину за гибель матери на Г. Эфрона, сына М. Цветаевой, стремилась младшая сестра, а показать жертвенный характер ухода М. Цветаевой из жизни. По мнению А. И. Цветаевой, некоторое время от самоубийства М. Цветаеву удерживало сознание того, что она нужна сыну, когда же почувствовала, что не нужна...

Возможно, раскрытие самых тайных архивов принесет еще не одну страшную версию гибели поэта. Но подозревать в политической «ретуши» А. И. Цветаеву, столько лет бывшую в заключении и по выходе и реабилитации расспросившую столько людей, на их свидетельствах сформировавшую свое мнение... Такое подозрение, конечно же, неправомерно. Хотелось бы верить, что теперь это понимает и сама В. Швейцер.

Ю. М. Каган, познакомившая будущего автора книги «Быт и бытие...» с А. И. Цветаевой, тогда же, с выходом «Открытого письма», не побоялась написать о том, что некое «открытие» спрашивать человека, который за свой «открытый» ответ из «закрытой» страны может пострадать. Он рискует будущим своим и близких...

И вот годы, годы спустя — не ответ на письмо, а рецензия, в меру пристрастная, в меру объективная, но несомненно представляющая большую ценность: ведь в ней — живой голос Цветаевой-младшей, Цветаевой-последней.

Станислав АЙДИНЬЯ

Анастасия Цветаева

Литература

ПРЕДО МНОЙ — книга Виктории Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой»...

Это большой труд, честное исследование, и хорошо, если его издадут в России. Поэтому я пишу об этой книге рецензию, и рецензия моя — хвалебная.

Много сил, много времени отдал автор на воплощение своей мечты — написать всю историю жизни моей сестры Марины. Такой труд заслуживает благодарности и уважения. Страницу за страницей, год за годом проследивает Виктория Швейцер, воссоздавая юность, зрелость, последний период, конец... Читатель входит глубоко в сложный ряд тем бытия и быта, подтверждая замысел и название книги. Но думаю, что почти невозможно написать столь сложное исследование, нигде не ошибаясь. Потому мой долг, приветствуя книгу В. Швейцер, внести необходимые уточнения.

Например, на странице 169 В. Швейцер пишет: «В плане духовном и философском Марина была рядом с Осипом Мандельштамом — девченкой». Опровержение этого — «девченка» дано в моей статье о книге А. Саакянц, напечатанной в журнале «Звезда».

Маринина интеллектуальная зрелость была отмечена в ее 12 лет при поступлении во Фрайбург в немецкий интернат: по гуманитарным предметам ее допустили в самый старший класс — к 17- и 18-летним.

Конечно, в 1916 году Марина была очень молода, она еще не создала такие теоретические статьи об искусстве, как «Поэт и время», «Поэт о критике», «Искусство при свете совести» и др., но они уже готовились в ней. А стихи ее, из которых, быть может, исходит Швейцер: «Что Вам, молодой Державин, Мой невоспитанный стих?» — написаны в час природной щедрости, в грации веселого самоуничтожения, шутиво.

Другая цитата: «...она (Марина) заметно выросла под влиянием его личности» (стр. 174).

О личности Мандельштама я позволю себе привести следующее определение: он был похож по некоторой своей надменности на принца в изгнании, но по своей бытовой беспомощности — на ошипанного птенца...

Мандельштам обладал талантом и интеллектом, но сильной личностью он не был.

А Виктория Швейцер утверждает: «Без Мандельштама ее (Маринина) рост не был бы так стремителен, не устремлялся бы внутрь, в душевные глубины». В этом она глубоко ошибается, не учитывая Маринину поразительную безграничность ума и таланта и ее полную неспособность подвергаться какому-либо влиянию на всю жизнь.

Мне вспоминается было: летом 1916 года Мандельштам гостил

у нас в Александрове. Приезжал и уезжал. Он был обидчив и капризен, но стихи его мы очень любили. Потом, летом 1917 года, после смерти моего младшего сына, Марина приехала ко мне в Феодосию.

«Ася», — сказала она мне, — узнав, что я здесь, сюда едет Осип Эмилевич. Я писала тебе его слова мне: «Вы могли бы быть главным нервом моей жизни». Сегодня я получила его телеграмму, я должна его встретить, но прошу тебя, пойдй со мной и не оставляй меня с ним наедине: он хочет объясниться, а я не хочу... И я поняла по тону ее, что это увлечение прошло, как и другие.

В том же настроении — письмо Марины к Елизавете Яковлевне Эфрон, Мандельштама знавшей, в котором Марина пишет об Осипе Эмилевиче иронично.

Особого влияния на Марину не оказал не только такой человек, как О. Мандельштам, но — ни Эллис, ни друг ее Аделаида Герцак, ни сильный поэт С. Парнок, ни исключительная личность поэта и художника Максимилиана Волошина, в то время антропософа. Встречи были на плане душевном, на радости понимания, но влияния решающего — не было.

Да, к сожалению, нередки у В. Швейцер «домыслы». Свое размышление она подает в столь утверждающем тоне, что у читателя может остаться впечатление, что дело идет о факте. И происходят ошибки.

Пример. «Можно себе представить», — пишет В. Швейцер, —

Анастасия Ивановна Цветаева.

что Иван Владимирович не был в восторге от того, что девочка, бросившая гимназию, выходила замуж за недоучившегося гимназиста» (стр. 104).

Кажется, убедительно? Обратимся к фактам: Марина окончила 7-й класс и начала 8-й, но узнав, что он — только педагогический и понимая, что никогда не захочет быть учительницей, прекратила занятия в этом классе, но полностью закончила семилетнее женское образование. Так что автор книги недостаточно знает систему образования во время нашей юности, в дореволюционной России. И еще: Марина вышла замуж за Сергея Эфрона, по болезни (туберкулез) прервавшего учение в гимназии, но дома не прекратившего занятия, и в первый же год брака, переехав по здоровью в Крым, он усиленно готовился к сдаче гимназического курса экстерном в Феодосийской мужской гимназии, о чем знал наш отец и весьма одобрял.

Далее. В. Швейцер процитировала Марину о папе в день открытия музея: «Это было видение совершенного покоя» и продолжает: «Покой оказался губителен для Ивана Владимировича. То напряжение, в котором он жил долгие годы, видимо, и давало ему силы жить» (стр. 108).

Какой покой? Покой длился один день — день торжества. Наш с Мариной отец до самого конца читал лекции в университете и на Высших женских курсах, не говоря о напряженной директорской работе в новом музее, Музее Изысканных Искусств, — до самой смерти!

Еще пример «гипотетической» ошибки: на стр. 529 В. Швейцер, ссылаясь на свое «открытое письмо» 1918 года, пишет: «В третьем издании книги «Воспоминания» Анастасия Цветаева опустила рассказ Фонской и кое-что изменила по сравнению с журнальным вариантом. Я надеюсь, что она сделала это не

без помощи моего письма».

Нет, не с помощью Швейцер, а с помощью моего редактора М. И. Фейнберг я не повторила рассказ о Марине Фонской, так как она, старая и больная, возможно, спутала даты и некоторые случаи тех лет.

Я не ответила В. Швейцер на ее письмо по недопустимому тону и сплошным ошибкам. Не опорила его и не опровергла, что я в моих «Воспоминаниях» лгу.

И сейчас по тем же причинам не ответила бы на него, несмотря на то, что письмо было опубликовано. Но Швейцер снова напоминает о письме в своей книге. Намеренно обходя все касающееся лично меня, я тем не менее укажу на некоторые ошибки в том письме.

Цитирую: «Если Георгий Эфрон был студентом Литинститута, почему его взяли в армию? Ведь у студентов тогда была бронь». Брони всем — не было! Многие студенты отправляли на фронт, и они там гибли, что легко подтвердить документально.

И вторая цитата о Георгии Эфроне, сыне Марины: «...я не верю официальной версии о его ранении...»

Мой племянник умер на фронте. Все остальное пока туманно, не доказано и лежит в сфере тех же «домыслов». Но В. Швейцер пишет: «После войны в Москве был слух, что Мур (Георгий Эфрон) даже не доехал до фронта, что его за строптивость застрелил какой-то сержант прямо в казарме». На слухи мне ответить нечего.

Прочитав книгу, я порадовалась, что последние «домыслы» она не перенесла из письма, не повторила.

Заканчивая, несмотря ни на что, утверждаю: книга В. Швейцер — настоящий труд изучения, ставящий автора в тот же ряд, в котором стоят М. Белкина с ее «Скрещением судеб» и М. Разумовская с ее «М. Цветаева. Миф и действительность».